

МРНТИ 16.21.31

А. Гаркавец

Главный научный сотрудник Института языкознания имени А. Байтұрсынова, доктор филологических наук

CODEX CUMANICUS НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ВЕНЕЦИАНСКОЙ РУКОПИСИ

Аннотация. В статье дается краткое описание рукописи XIII-XIV веков «Codex Cumanicus», хранящейся в Венеции, в Национальной библиотеке Маркиана, излагается история изучения этого письменного памятника в связи с другими тюркскими языками и описывается его новое полное издание, подготовленное автором и опубликованное в Алматы в 2015 году.

Ключевые слова: Codex Cumanicus, кыпчаки, куманы, кыпчакские языки, куманские загадки, куманские молитвы, куманские проповеди, кыпчакские словари, персидское наречие Мазендарана.

А.Гаркавец

А.Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институтының Бас ғылыми қызметкері, филология ғылымдарының докторы

«CODEX CUMANICUS»-ТІҢ ВЕНЕЦИЯЛЫҚ ҚОЛЖАЗБАСЫНЫҢ ЖАҢАША ОҚЫЛУЫ

Аннотация. Мақалада Венецияның Маркиана Ұлттық кітапханасында сақталған XIII-XIV ғғ. жағатын «Codex Cumanicus» қолжазбасына қысқаша сипаттама беріледі. Бұл жазба ескерткішті басқа түркі тілдеріне байланысты зерделеу тарихы баяндалады және оның автор дайындаған және 2015 жылы Алматыда жарияланған жаңа толық басылымы сипатталады.

Тірек сөздер: Codex Cumanicus, кыпшақтар, құмандар, кыпшақ тілдері, құман жұмбақтары, құман дұғалары, құман насихаттары, кыпшақ сөздіктері, Мазендаран парсы сөйленісі.

A.Garkavets

Chief researcher of the Institute of Linguistics named after A. Baitursynov, doctor of philological sciences

THE NEW READING OF THE MANUSCRIPT «CODEX CUMANICUS»

Annotation. Publication of facsimile, transliteration, transcription, translation, and all, without exception, Qypchak, Persian, Latin and German texts and dictionaries, as well as inclusions from other languages, contained in the manuscript «Codex Cumanicus», opens the long-awaited opportunity of the complete and comprehensive scientific study of unique information on the history of the Qypchak peoples, their languages and cultures.

Keywords: Codex Cumanicus, Qypchaks, Cumans, Qypchak languages, Cuman riddles, Cumanian prayers, Cumanian sermons, Qypchak dictionaries, Persian dialect of Mazandaran.

О важности письменного памятника «Codex Cumanicus» для истории казахов и других тюркских народов, для изучения прошлого казахского и иных тюркских языков было со всей серьезностью заявлено в статье академика Смета Кенесбаева и Абжана Курышжанова 50 с лишним лет назад в статье «О новом издании памятника «Кодекс Куманикус» в Казахстане: К изучению языка памятника XIII – начала XIV вв.» [1, 35–45]. С этой статьей я ознакомился, изучая «Половецкие тексты XVI века», изданные в Москве в 1967 году Тимофеем Ивановичем Груниным [2], учеником нашего прославленного востоковеда Агафангела Ефимовича Крымского. Штудировал я их под руководством его племянницы Эльвиры Александровны Груниной. Совместно с Анной Степановной Тверитиновой и Эмиром Наджипом она помогла мне постичь азы османистики, кыпчаковедения и тюрко-логии.

Осуществить полное издание рукописи «Codex Cumanicus» оказалось не так-то просто. И подошел я к этому, опираясь на немалый собственный опыт исследования и публикации множества других памятников письменности и материала живых тюркских наречий, которые мне посчастливилось ввести в научный обиход.

Завершить же труд удалось лишь сейчас – благодаря стечению разноречивых обстоятельств и бескорыстной помощи многих искренних людей, поступающих по принципу: «Делай добро и бросай в воду». Пусть же добро каждого воздастся ему сторицей. Как говорят урумы Приазовья – еще одни из здравствующих потомков древних кыпчаков-кумановполовцев: *Artınǵa ǵaldırǵanıń aldınǵa ǵarǵı alır* «Оставленное тобою позади встретит тебя впереди».

В замысловатой истории тюркских народов на территории Юго-Восточной Европы видное место занимает многоплеменной кыпчако-кумано-половецкий союз, прославившийся под именем кыпчаков и давший степи от Алтая до Дуная имя Дешт-и-Кыпчак. Представителей этого могущественного союза, вследствие известной исторической экстраполяции, позже всех вместе наименовали еще и татарами. Язык господствовавших вплоть до Египта кыпчаков-куманов-половцев в XI–XVII веках зафиксирован не только глоссами арабских, персидских, греческих, латинских, древнерусских и иных памятников, но и кыпчакскими реликвиями.

Древнейшая из них – 164-страничная тетрадь миссионера-переводчика конца XIII – начала XIV века «Alfabetum Persicum, Comanicum et Latinum Anonymi...», иначе – «Codex Cumanicus», или «Codex Comanicus». Обнаруженный в Венеции среди фолиантов знаменитого поэта итальянского Возрождения Франческо Петрарки, сборник был представлен научной публике в 1828 году именно в России. Но, несмотря на обилие исследований, кандидатских и докторских диссертаций по этой рукописи, на русском языке доньше Кодекс опубликован не был, как не издан, к сожалению, и на родственных тюркских языках.

По происхождению, содержанию, графическим и языковым особенностям Кодекс традиционно делится на две части – итальянскую (стр. 1–55v) и немецкую (стр. 56–82v).

Итальянская часть написана одним почерком в три столбца: в первом – латинские слова, во втором – персидские эквиваленты, в третьем – куманские. На оставленных свободных местах, где не было переводов, на полях и между строк имеются дополнения и правки, сделанные обычно на немецкий манер и иным почерком. Текст итальянской части скопирован – переписан начисто – без внимания к содержанию, грамматической структуре и особенностям произношения персидских и куманских слов: переписчик постоянно допускает грамматические и транскрипционные погрешности и нередко без нужды переносит на следующую страницу часть парадигмы того самого слова, что наблюдается не только при переходе с оборота на лицевую страницу (стр. 3v/4r; 7v/8r; 12v/13r; 27v/28r), но и при переходе с лицевой стороны на оборот (стр. 4r/4v; 9r/9v; 12r/12v).

По заключению Дагмар Дрюль [3], копиист переписывал каждый столбец отдельно, а потому на стр. 35v–36v; 38; 39v; 43v; 44v; 48v; 50v имеем несоответствие строк. На это не-

соответствие обратил внимание, по-видимому, уже пользователь этого списка латинско-персидско-куманского словаря: исправления, дополнения и корректирующие линии выполнены с небрежностью, позволившей разве что для обладателя списка, которого больше интересовало содержание, чем внешняя, графическая эстетика текста. Сам переписчик использовал с этой целью малозаметные способы правки – корректирующие точки, сноски или буквы с их порядковыми значениями по алфавиту (см. стр. 65v, 1; 72r, 8 и др.).

Немецкая часть, содержащая куманско-немецкие словари (стр. 56-59; 80v-82v), латинские заметки по куманской грамматике (стр. 64-65v), латинско-куманские словари (стр. 65v-66v; 79r), загадки (стр. 60r-60v), прозаические и стихотворные христианские тексты (остальные страницы немецкой части), написана, по-видимому, двумя лицами:

1) автором латинских заметок по куманской грамматике и начатого сразу же после них алфавитного латинско-куманского словаря, который, очевидно, вместе с этими заметками переслал своему коллеге и выполненную профессиональным переписчиком, не знавшим куманского языка, копию предшествующей части – латинско-персидско-куманского словаря (стр. 1r-55v), и

2) пользователем и окончательным составителем этого сборника, который сам на немецкий манер с имевшихся в его распоряжении оригиналов перетранскрибировал все ранее переведенные христианские тексты, составил остальные словари и записал куманские загадки. Среди записей немецкой части резко выделяется группа стихотворных христианских текстов, переписанных после завершения разработки единой системы транскрипционных правил (лл. 69-80), к которым по транскрипционным признакам тяготеют куманско-немецкие словари, латинские грамматические заметки и загадки. Прозаические христианские тексты на стр. 57-63v в данном отношении представляют собой некоторую противоположность, отличаясь очень сильным итальянским графическим субстратом. Тем не менее, у нас достаточно оснований, чтобы считать те и другие переписанными с итальянских оригиналов – одним лицом, но не в один прием, о чем свидетельствуют, с одной стороны, тождество транскрипционных норм и отклонений, с другой – внешние вариации почерка, компоновка текста, колебания в плотности письма, наклоне, смена чернил, пера и т. п.

В вопросе об авторстве нет единства относительно Антонио де Финале, оставившего памятную запись со своим именем на обороте 78-го листа: *Iste liber est de Antonio de Finale qui manet apud [Deum in saeculum saeculi]. / Qui scripsit scribat semper cum Domino vivat! / Vivat in caelis Antonius nomine felix! / Qui me furatur mala morte non viduatur, non...* «Эта книга принадлежит Антонио из Финале, который да пребудет в [Господе во веки веков]. Кто написал, да пишет, да здравствует всегда с Господом! Да здравствует на небесах Антоний именем благодатным ~ во имя благодатное! Кто меня обворует, не избежит злой смерти, не...» Был ли он одним из составителей Кодекса или только его благословенным обладателем, бережно сохранившим эту бесценную реликвию, остается загадкой. Сомнения в его авторстве основаны на несходстве его почерка с почерками, которыми сделаны записи текстов в рукописи. Что касается его личности, то, возможно, мы стоим на пороге открытия, ибо как раз под этим самым именем некто побывал в Килии (*совр. рум. Chilia < гр. Αχιλλεία 'Ахиллия', укр. Кілія, центр Килийского района Одесской области*) на Дунае 5 мая 1361 года. В этот день в Килии пришвартовался генуэзский торговый корабль «San Gregorio» («Святой Григорий»), и со слов диакона Антонио ди Финале (Antonio di Finale), облеченного необходимыми полномочиями, в реестр генуэзского консула была внесена соответствующая запись [4, 62-63].

Первое описание нашего памятника принадлежит библиографу Якобу Филиппу Томасини Падуанскому, епископу Эмонскому (лат. *Jacobus Philippus Tomasinus*, ит. *Giacomo Filippo Tomasini*, 1595-1655), и содержится в его каталоге рукописей Венецианской

библиотеки. В перечне уцелевших в комнате за квадригой Лисиппа собора Св. Марка 17 книг из собрания, завещанного Франческо Петраркой Венецианской Республике по договору 1362 года, наша определена как «Alfabetum Persicum, Comanicum, et Latinum Anonymi scriptum Anno MCCCIII. Die XI Julii». После заглавия в каталоге даны оригинальная дата, посвящение, заглавие и начальные строки словаря в его интерпретации:

MCCCIII die XI Iulii.

In nomine Domini nostri Iesu Christi et Beate Virginis Marie Matris eius et omnium Sanctorum et Sanctarum Dei. Amen.

Ad honorem Dei et Beati Iohannis Evangeliste.

In hoc libro continentur Persicum et Comanicum per alfabetum.

Hec sunt verba et nomina de litera A... [5, 73].

Несколько иначе, но тоже как словарь, рукопись определяется другим венецианским библиографом – Антоном Занетти (иначе Дзанетти, *лат.* Antonius Zanetti, *ит.* Antonio Maria Zanetti, 1716-1778):

Codex DXLIX in 4°, chartaceus, foliorum 82, Saeculi XIV. Lexicon latinum, persicum et comanicum. Initio legitur: MCCCIII. die XI. Julii [6, I].

Начало изучению Кодекса положил немецкий востоковед Генрих-Юлий Клапрот, который в 1807-1813 годах был экстраординарным академиком Российской Академии наук и перу которого принадлежат, в частности, труды по тюркологии: о быте и языке башкир, казахов, кыргызов, якутов, исследования «Бабур-наме» и болгарских надписей [7, 109-110]. Через два года после журнального сообщения 1826 года об обнаруженном памятнике [8, 114-117] Г.-Ю. Клапрот опубликовал куманскую часть Кодекса на оригинальной (латинской) основе, в арабской транскрипции и с французским переводом [9, 122-254]. Это издание с неминуемыми погрешностями исследовательского и типографского характера не могло удовлетворять исследователей, хотя и в таком виде текстом воспользовался Отто Блау при изучении истории куманов и их языка [10, 556-587]. Высказанное им неудовлетворение разделял выдающийся венгерский ученый Геза Куун, который вскоре в Будапеште под общеизвестным теперь названием «Codex Sumanicus» опубликовал рукопись полностью, побуквенно воспроизведя ее латинским графикой, с большим и всесторонним историко-филологическим исследованием, постраничными и заключительными комментариями, относящимися преимущественно к куманской части, глоссариями-индексами – куманско-латинским, персидско-латинским, немецко-латинским, старо- и среднелатинско-классическолатинским, указателем собственных имен, дополнениями и исправлениями [6]. Этот фундаментальный труд, выполненный на базе наивысших достижений палеографии того времени, не утратил научной ценности и теперь, после появления целого ряда специальных тюркологических и иранистических исследований и публикаций текстов. Удовлетворительное в целом прочтение и стремление к адекватности воспроизведения, всесторонний научный аппарат сделали публикацию Г. Кууна одним из ценнейших пособий для изучения памятника по факсимильному изданию датского тюрколога Кааре Грэнбека [11]. Факсимильной части в книге К. Грэнбека предшествует археографическая справка, тематический перечень важнейшей литературы и внутреннее описание памятника. Одной из лучших тюркологических работ по памятнику является его куманско-немецкий словарь, снабженный списком собственных имен, глоссариями-индексами – латинско-куманским, немецко-куманским и постраничным указателем связанно употребленных куманских слов [12]. Изданиями Г. Кууна и К. Грэнбека были стимулированы специальные тюркологические и иранистические исследования [13].

Куманский словарь с некоторыми текстами и отдельными загадками опубликовал Василий Васильевич Радлов [14], давший тюркскому материалу собственную интерпретацию, которая в ряде существенных пунктов оказалась ошибочной. Так, звуки **кь** и **х**

В. В. Радлов последовательно воспроизводит как **къ**, а звук **ч**, вопреки оригиналу, ему не доступному, передает как **ц**, настойчиво проводя параллель с галичским диалектом караимского языка.

С серией публикаций текстов и статей уяснительного характера выступил Вильям Банг [15], и именно его заслугой является идентификация большинства куманских гимнов с латинскими оригиналами.

Большинство тюркологических исследований сочетает рассмотрение общих вопросов (происхождение Кодекса, его авторства) с более частными (диалектная специфика, толкование отдельных мест, разбор иноязычных заимствований и т. д.) [16]. Особенно популярна наименее разборчивая часть связанных текстов сборника – стр. 60r-60v, где содержится уникальная и, кажется, самая ранняя из зафиксированных коллекция из 47 тюркских загадок [17].

Накопление сравнительного материала в связи с бурным развитием тюркологии подготовило почву для появления трудов обобщающего характера, к которым принадлежат статьи Аннемари фон Габен [18], «Куманский синтаксис» Владимира Дримбы [20] с приложением большинства связанных текстов, переданных тюркологической транскрипцией, с графическими, библиографическо-текстологическими примечаниями, французским переводом и параллельными латинскими текстами – оригиналами куманских переводов по изданиям Вильгельма Банга [15] и Карла Генриховича Залемана [19], его многочисленные текстологические разыскания [21] и наконец его новое археографическое издание Кодекса под новоизмененным названием – «Codex Comanicus», включающее его упрощенную латинскую транслитерацию, подробные примечания к разночитаемым словам и факсимиле [22].

Ряд дискуссионных вопросов рассматривается в упомянутой диссертации Дагмар Дрюль [3] и итоговой статье Лайоша Лигети [23], оспаривающего принадлежность Кодекса к коллекции Ф. Петрарки.

Попытку уяснения отношения языка сборника к некоторым западнокыпчакским содержат работы Али Чеченова [24].

Время возникновения Кодекса обычно очерчивают периодом между 11 июля 1303 г., согласно дате на первой странице, и 1362 г., когда вместе с другими книгами Ф. Петрарка подарил этот загадочный манускрипт Венецианской Республике.

Иное предположение выдвинул Владимир Дримба, по-своему прочтя дату на первой странице рукописи, написанную римскими цифрами с флексией в индексе (°) – над всеми компонентами составного числительного: *M ccc̄ iij die xj̄ Iulij*, т. е. *Anno Domini millesimo trecentesimo tricesimo die undecimo Julii* ‘Года Господнего тысяча траста тридцатого дня одиннадцатого июля’. Эту дату он предлагает читать как 11 июля 1330 года, полагая, что слитное *ij* надо понимать как ‘в тридцатом’ [25]. Поскольку в оригинале сотни обозначены сложением трех сотен, что бесспорно, постольку и в обозначении десятков в составном числительном должен был быть применен тот же принцип – сложения десятков, а не умножения трех римских единиц на десять в индексе. Раз уж и сотни и десятки в одной и той же дате обозначали с умножением, то в нашем случае написали бы *M iij^{co} iij^{co}*, чего в оригинале нет. Монограммное (comprehensive) написание римской тройки *iii* в виде *m*, как в кодексе, для этой эпохи явление обычное [26]. И то, что сорта бумаги (о чем ниже), на которой написан кодекс, изготовлялись гораздо позже, не может быть основанием искать в написании даты ничем не оправданный разнобой. Ибо это копия, причем не первая. Переписчик в своем списке всего лишь адекватно воспроизвел дату экземпляра, с которого снимал копию. 1303 год, таким образом, не является годом снятия этого заказного списка. Скорее всего, это дата чистовика, изготовленного на основе более ранних черновых записей, или же – что тоже вероятно – дата промежуточной копии с чистовика.

Изучение бумаги Кодекса по формату и водяным знакам позволило установить, что тетради 1 и 2 написаны на бумаге «Realle», а третья – на бумаге «Recute» тех разновидностей, которые появились в Италии около 1310 г. Знаки стр. 12/15 и 38/51 имеют особенности тех сортов бумаги «Realle», которые производились в Болонье около 1330 г. Исходя из этого, Д. Дрюльль делает вывод, что две первые тетради (стр. 1-59) возникли перед серединой XIV в. и являются второй или следующей копией неизвестного оригинала. Третью тетрадь, приброшурованную позже, она тоже считает копией приблизительно того же времени – за исключением оригинальных куманско-немецких словарей, относимых к середине XIV века [3, 30-33].

Сомнения в отношении 11 июля 1303 г. возникли из-за неподтверждения этой даты переводным календарем из итальянской части. Давая персидские и куманские соответствия к латинским названиям месяцев, автор неминуемо – из-за несовпадения христианского солнечного и мусульманского лунного года – должен был называть те месяцы мусульманского года, которые во время составления календаря приходились на месяцы юлианского года (лл. 36 об., 10-21):

Januarius «январь»	safar	safar ay safar aý «месяц сафар»
Februarius «февраль»	rabi-awal	sövünc ay sounz aý «месяц радости, ликования»
Marcus «март»	rabiolâher	ilk yaz ay ylias = ylcias ay «первый весенний месяц»
Aprilis «апрель»	jimêdi-awal	top ay tob aý «месяц комков» ²
Madius «май»	jimêdi-âlâhel	songu yaz ay songu □ ax ay «последний весенний месяц»
Junius «июнь»	râjâb	küz ay cux aý «осенний (!), <i>m. e.</i> летний ³ месяц»
Julius «июль»	ša' bân	orta küz ay orta cux aý «средний осенний (!) месяц»
Augustus «август»	ramadân	son küz ay sonchitx aý «последний осенний (!) месяц»
September «сентябрь»	saugâl	qiş ay ches aý «зимний (!), <i>m. e.</i> осенний месяц»
October «октябрь»	zi(âl)ga' dâ	orta qiş ay orta ches aý «средний зимний (!) месяц»
November «ноябрь»	zi(âl)hîja	Qurban bayram ay Curbâ barâ aý «месяц Курбан байрама»
Decenber «декабрь»	muhamam	Aşuq ay A □ uc aý «месяц Переселения» ⁴

Расчеты С. Ю. Малова на основе публикации Г. Куна по сравнительным таблицам христианского и мусульманского календарей Вюстенфельда-Малера 1926 г. показали, что такое совпадение месяцев было не в 1303 г., а раньше – в 1295 и 1296 гг. [27, 348].

Результат С. Ю. Малова, как стало известно позже, получен на ложном основании и требует уточнения, во-первых, ввиду неидентичности воспроизведения данного календарика в издании Г. Куна и, во-вторых, вследствие недостаточной точности таблиц Вюстенфельда-Малера.

Дело в том, что в рукописи название Reger (Râjâb) переписчик случайно написал раньше названия Gîmedielachel (Jimêdi-âlâhel), подобного началом предыдущему Gîmedîcuul (Jimêdi-awal). Из-за этого остальные строки персидской колонки оказались сдвинутыми вверх на одну позицию. Пропущенное название Gîmedielachel копиист дописал после названия Reger, проведя корректирующие линии. Г. Кун внимания на эти линии не обратил, тем самым совместив ноябрь и декабрь с мухаррамом, а именно из такого совпадения, к сожалению, исходил в своих расчетах С. Ю. Малов.

Установив ошибку Г. Куна по оригиналу, Д. Дрюльль произвела перерасчет по уточненным таблицам, исходя уже из совпадения января и сафара. Она обнаружила такое совпадение в 1292-1295 гг. [3, 25-26].

Согласно уточненным таблицам [28, 65-66], совпадение января и сафара (с началом хиджры 16 июля 622 года) минимум в один день ограничивается разбросом дней сафара с 4 декабря по 31 января и соответствует разбросу 1 мухаррама с 4 ноября по 1 января юлианского стиля:

23.12.1225	29.12.1257	25.12.1290	31.12.1322	26.12.1355
12.12.1226	19.12.1258	14.12.1291	20.12.1323	15.12.1356
2.12.1227	8.12.1259	2.12.1292	8.12.1324	4.12.1357
20.11.1228	26.11.1260	22.11.1293	26.11.1325	23.11.1358
10.11.1229	16.11.1261	11.11.1294	17.11.1326	13.11.1359
			7.11.1327	

Максимальное совпадение в 1227, 1259, 1292, 1324, 1357 гг. Последние отпадают из-за бумаги.

Обратим внимание и на совпадение «месяца Курбан байрама» с ноябрем. Ни в 1303, ни в 1330 году такого совпадения не было. Но оно наблюдалось в иные годы: 10-й день месяца зу-ль-хиджжа (ا. ذى الحجة), в который отмечается праздник жертвоприношения – Курбан байрам, в 1227 и 1228 годах приходился на 20 и 21 ноября юлианского календаря, а в 1292 и 1293 годах – на 21 и 22 ноября соответственно. А это значит, что отпадает и 1259 год. Остаются 1227/1228 и 1292/1293 годы.

Первый из указанных промежутков совпадает со временем полнокровной деятельности половецкого епископства 1227-1241 гг. и расселения половцев-католиков в Венгрии, где они вплоть до нашего времени помнили «Отченаш» по-кумански [29].

На эпоху возникновения памятника некоторый свет проливает специальная статья Владимира Терентьевича Пашуто об упомянутом половецком епископстве [30], из которой целесообразно привести подробные извлечения, ибо излагаемые в ней факты в таком ракурсе и объеме исследователями Кодекса во внимание все еще не принимаются, хотя Д. Дрюль тоже упоминала о крещении половцев в 1227 г. как единовременном эпизоде [3, 130]. В. Т. Пашуто пишет:

«Когда Роберт, архиепископ Эстергома и примас Венгрии (родом франко-бельгиец), направлялся в крестовый поход в Святую Землю, по пути ему встретился сопровождаемый доминиканцами сын половецкого хана Бортыца (Bortz – Борис?); он просил о крещении и сообщил Роберту, что послан отцом, который с 2 тысячами своих подданных тоже ждет крещения. Роберт обратился к Папе за разрешением идти не на арабов, а в Половецкую землю. Григорий IX назначил его 31 июля 1227 г. легатом для половцев и бродников (in Sumaniae et Brodnic terra), разрешив крестить население, строить храмы, ставить епископов и пр...

Архиепископ Роберт в сопровождении епископов Бартоломея и Рейнальда (оба родом французы) и Белы, сына короля, двинулся к половцам... Епископам удалось крестить хана Бортыца с его ордой... Написание имени варьируется: Boricinis...

21. III. 1228 Папа назначил провинциала венгерских доминиканцев Теодориха епископом половцев... а король Бела усвоил себе титул «короля куманов»...

В 1229 году мы находим половцев в войсках Белы IV, идущих на Галичину. Этот хан и несколько других, более мелких, умерли христианами и погребены в половецких часовнях...

В 1235 и 1237 гг. венгерские доминиканцы Юлиан и др. в качестве миссионеров-разведчиков проникли и в Волжскую Булгарию и в Северо-восточную Русь...

В 1238 году монах Бенедикт докладывал генеральному капитулу о крещении нескольких князей со многими людьми. Наибольших успехов доминиканцы добились среди половцев Малой Валахии (к западу от Олта) в Юго-Западной Трансильвании...

Половецкое епископство, видимо, сыграло свою роль и в переселении в Венгрию орды хана Котяна. В годы монгольского нашествия Котян обратился с письмом к Беле IV, прося убежища и выражая готовность принять католичество. Король приветствовал это предложение, одарил половецких послов и направил с ними в обратный путь монахов-доминиканцев. Осенью 1239 г. король лично торжественно встретил Котяна и его 40-тысячную орду на границе. Высоким чиновникам было поручено расселить половцев внутри Венгрии. При крещении Котяном было заключено соглашение... [Но] в результате заговора хан Котян и другие половецкие неопиты были предательски убиты в Пеште, а половецкое войско устремилось к Саве и, сокрушая все на своем пути, ушло на Балканы. Позднее немало половцев оказалось на службе у Никеи... Само половецкое епископство просуществовало до 1241 г.; оно было сметено в огне борьбы молдавского народа с монгольским нашествием, когда воевода Бохетур (Байдар?) вместе с другими вождями, переправившись через реку,

именуемую Серет, вторглись в землю половецкого епископа и, победив людей, которые обратились на битву, приступили к полному ее завоеванию».

В эти годы в Кыпчакской степи распространяется и греко-русское православие. С 1261 г. «в самом стане орды» – Сарае служил епископ Митрофан, назначенный в 1265 г. главой Сарайской епархии, которая имела успехи в крещении «татар» [31].

Место изначального появления латинско-персидско-куманского словаря не ясно совершенно (это может быть и Крым, и Сарай, и Венгрия), а что касается места окончательного формирования Кодекса, то наиболее вероятной следует считать Кафу (Феодосию) – как по положению этого города в миссионерской деятельности католичества на Востоке, так и по его роли в экономических связях Европы с Востоком в XIII–XIV вв. Уже в 80-х годах XIII в. в Кафе и других городах – Солхате (Солдае), Керчи, Сарае, Вишине упоминаются францисканские монастыри. В письме монаха-францисканца из Кафы в кардинальский коллегийум в Авиньоне сообщается об изучении миссионерами языка «татар» и подготовке духовников из выкупленных детей: «*Даже те, кто до сих пор не освоил языка, всегда имеют наготове переводчиков с латыни. И, таким образом, мало кто из них добивается успеха в изучении местного языка или народных диалектов. Однако среди нас есть некие венгерские братья, а также и некоторые немецкие и английские братья. Они достаточно хорошо и надлежащим образом изучили язык в течение короткого времени. Но французы и итальянцы вряд ли когда-нибудь смогут хорошо выучить язык. И мы не знаем, что им в этом препятствует. Ежедневно многих крестим и укрепляем в вере. И на полученную милостыню покупаем детей обоих полов, выставленных на продажу. Неторопливо обучаем их вере и письму, образовывая из мальчиков духовников. Из них некоторые уже стали братьями и превосходными проповедниками, поскольку они лучше знают язык, а мы его только осваиваем» [32]. Кстапи, Авиньон – город детства и неразделенной любви Петрарки, в отчаянии покинувшего его в 1327 году и неоднократно пытавшегося вернуться туда вплоть до 1361 года. Для кого-то из миссионеров и была снята в спешном порядке в 1303 году копия латино-персидско-куманского словаря, которая после была дополнена куманскими переводами христианских текстов, латинскими заметками по куманской грамматике и начатым заново латинско-куманским алфавитным словарем.*

Не подлежит сомнению, что окончательный вариант Кодекса был доработан именно представителем нищенствующего монашеского ордена францискан, основанного Франциском Ассизским (откуда название) в Италии в начале XIII в. Об этом красноречиво свидетельствует обращение к этому святому в покаянной молитве, провозглашаемой перед верующими самим проповедником: *Yüginijiz, oylanlarım, aytijiz kensi yazıqijizni: Yazuqlımen Bey Tejrigä, ari Mariam qatumı, ari Franasqa, ari Petrus ari Paulusqa, dayi barça arilarga, saa, tın ata* 'Преклонитесь, дети мои, исповедайте грехи ваши [следующим образом]: Грешен я пред Господом Богом, Святой Девой Марией, святым Франциском, святым Петром и святым Павлом, и пред всеми святыми, и пред тобою, духовный отец'.

В приведенной молитве, отредактированной францисканцами, основатель ордена превознесен выше не только всех остальных святых, но и выше апостолов. В связи с этим уместно вспомнить, что в латинском названии итальянской части, точнее в посвящении, предваряющем словарь, Франциск не упоминается, а это, в свою очередь, может указывать на то, что словарь изначально составлен не францисканцем, а представителем другого ордена, не исключено, что доминиканцем. В начальном посвящении упоминается св. Иоанн Евангелист, на основании чего выдвигалось предположение о составлении Кодекса в монастыре, посвященном этому апостолу в окрестностях Ак-Сарая [33]. Но возможно, свою роль сыграла здесь всего лишь приверженность воинствующего и экспансионистски настроенного ордена доминикан этому апостолу, наиболее пламенному из евангелистов.

Как видим, проблематика происхождения, авторства, времени и места возникновения памятника и его окончательной редакции остается открытой.

Несомненно доказанным следует считать утверждение о связи персидского языка сборника с классическим персидским в том виде, как он преподавался в школах Хорасана, и с разговорным языком персидских диалектов от Баку до Мазандарана [13], а также вывод о средненемецком в своей основе типе немецкого языка Кодекса: анализ немецкого лексического материала позволил Д. Дрюль, несмотря на ряд исключений, прийти к мысли о связи немецкой речи памятника с территорией на север от линии Бенратера и тождестве со средненемецким языком того времени – *Ostmitteldeutsch: Thürinisch, Obersachsisch, Schlesisch, Hochpreussisch* [3, 94, 102, 105, 129, 136]. В кодексе он называется *Theutonica: in theutonico 5r: 20*.

Тюркский язык Кодекса в нем самом определен четырежды: в латинских выражениях итальянской части как куманский – *Comanicum 1r;5; de chomanicho 35v;2*, а в тюркских записях более поздней немецкой части как татарский – *tatarče 61v;25* ‘по-татарски’; *tatar til 81v;32* ‘татарский язык’. В одной из загадок встречаем также слово *qıpçaq*, которое многие склонны трактовать как этническое самоназвание кыпчаков: *qıpçaqda yoq 60r;16* ‘у кыпчаков нет’, хотя по смыслу загадки речь скорее идет о полом дереве, дупле: *Sendä, mendä yoq, senğir tavda yoq, ütlü tašta yoq, qıpçaqta [Qıpçaqta?] yoq. Ol, quş süit-dir* ‘Нет ни у тебя, ни у меня, ни на выступах гор, ни в щелях среди камней, ни в дуплах деревьев (т. е. нигде, где гнездятся птицы) / ни у кыпчаков. Это птичье молоко’.

Примечательны в связи с этим этноопределения представителей орды в синхронических хроникальных записях на греческом синаксаре из Сугдеи (Судака), христианское население которого еще до нашествия отчасти было тюркоязычным: *tataroi* ‘татары’ (1223, 1239, 1249 гг.), *νογαί το φυσάτω* ‘Ногаево войско’ (1299 г.), *αββελή* ‘узбеки’ (1322, 1327 гг.), *αθεοί αχαρηνη* ‘безбожные агаряне’ (1323 г.), *αθεοί* ‘безбожные’ (1338 г.); *παρασκενή ταταρισσα χριστιανή* ‘Параскева, татарка, христианка’, *ιω χριστι ταταρ* ‘Иоанн, христианин, татарин’ (заметки №№ 5, 10, 11, 30, 33, 68, 82, 103, 104, 181) [34].

Напомним, что и носители армяно-кыпчакского языка, зафиксированного памятниками XVI-XVII вв., тоже именовали свою речь и *qıpçaq tili*, и *tatarča*.

При обилии литературы по этой рукописи, доньше остаются нерешенными не только общие вопросы происхождения памятника, но и узкоспециальные, в особенности лингвистические. Не утихают дискуссии по поводу условий, времени и места возникновения памятника, его назначения, авторства, о судьбах рукописи, о диалектной специфике отраженной в нем тюркской речи, персидского, немецкого и латинского языков. Сосуществование различных точек зрения по всем этим пунктам, особенно в решении вопроса о генетической связи современных тюркских языков с тюркской речью Кодекса, – следствие недостаточной разработанности проблематики памятника и исторически соотносимых с ним явлений и событий, равно как и слабой изученности языков, близких к куманской речи сборника.

Один из близкородственных языков – караимский – описан монографически К. М. Мусаевым [35]. Ведутся работы по диалектологии крымскотатарского языка [36].

Накоплены и уже опубликованы образцы фольклора, устной речи и рукописные тексты урумов Северного Приазовья и словарь урумского языка [37].

О разножанровых армяно-кыпчакских письменных памятниках речь шла выше.

Куманская лексика полностью – с неизбежными проблематичными толкованиями – опубликована и в плане происхождения освещена в упомянутых словарных изданиях Г. Кууна, В. В. Радлова, К. Грэнбека, в цикле публикаций В. Дримбы 1970-2000 гг. и сводном словаре наших турецких коллег [38], армяно-кыпчакская, помимо нашего «Кыпчакского словаря», частично отражена в глоссариях к опубликованным текстам, начиная с издания

«Документы на половецком языке XVI века» Тимофея Ивановича Грунина [2], в конкордансе Эдварда Трыярского к кыпчакской части трех рукописных армянско-кыпчакских словарей XVII в., хранящихся в Австрийской национальной библиотеке и в Библиотеке Конгрегации мхитаристов в Вене [39], а также в специальных статьях [40].

Широко, но все же не всегда адекватно и не с достаточной полнотой описаны типы слово-, формообразования и словоизменения [41].

Синтаксису куманского языка посвящена специальная монография В. Дримбы [20], а вопросы армяно-кыпчакского грамматического строя – преимущественно в плане функционирования и сочетаемости частей речи – рассмотрены в предшествующих публикациях автора [42].

В ходе подготовки нашего издания Кодекса возникла необходимость в скрупулезном анализе специфики латинской графики памятника и звукового строя отраженной в нем тюркской речи. Поскольку именно от адекватности прочтения текстов во многом зависит эффективность интерпретации, нами и был выполнен исчерпывающий анализ имеющих место в памятнике соответствий между элементами графики и фонетической системой куманского языка и благодаря этому уточнен фонемный состав куманского языка Кодекса и внесены коррективы в чтение текстов в целом [43].

Куманские тексты даны в разработанной нами ранее для кыпчакских памятников тюркологической транскрипции на латинской основе и в соответствии с принципами чтения куманских текстов, изложенными в нашей монографии «Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский» (Алма-Ата: Наука, 1987), где приведена исчерпывающая таблица соответствия письменных символов звукам куманской речи и показана эволюция графической системы памятника. При транскрибировании пропущенные согласно правилам орфографии того времени [44] буквы и слова, как и в предыдущих наших изданиях [45], даются курсивом, но сомнительные, как и оригинальные написания с описками, а также вносимые нами в текст элементы – в квадратных скобках.

Религиозные тексты снабжены историческими справками, комментариями и латинскими эквивалентами. Оригиналы большинства из них сто лет назад установили Вильям Банг и Карл Залеман.

В уточнении текстов и смысла загадок своими вопросами и советами мне очень помогли мудрейший знаток словесности Альжан Айтимбетович Шомаев и вдохновенный поэт Орынбай Куленович Жанайдаров.

Представленные в нашем новом полном издании памятника [46] материалы изначально готовились по копиям рукописи Кодекса с учетом бесценных публикаций Генриха-Юлиуса Клапрота, Гезы Кууна, Германа Вамбери, Вильгельма Банга, Василия Радлова, Карла Залемана, Отто Блау, Юлиуса Немета, Кааре Грэнбека, Дагмар Дрюльль, Андреаса Титце, Абжана Курьшжанова, Мефкюре Молловой, Владимира Дримбы и др. и затем были сверены с оригиналом в венецианской Национальной библиотеке св. Марка (Biblioteca Nazionale Marciana ~ Biblioteca Nazionale di S. Marco ~ Biblioteca ad templum Divi Marci Venetiarum, Venezia, Mss. latini, Fondo antico, Collocazione 1597, старый шифр Codex DXLIX / Lat. Zan[etti] 549).

Обновленное цветное факсимиле сделано по электронной фотокопии Алессандро Моро (фирма Shylock e-solutions, Венеция), полученной при содействии Серика Минаваровича Буркитбаева, посла РК в Италии Андриана Копмагамбетовича Елемесова, работников посольства Нурлана Хасена и Жанель Нурмолдиной и генерального директора КазНИИ культуры МКС РК Андрея Равильевича Хазбулатова, – по заказу Казахской национальной академической библиотеки РК (директор Умитхан Дауренбековна Муналбаева), оплатившей по поручению Министра культуры и спорта РК Арыстанбека Мухамедиұлы и реставрацию самой рукописи. Провела ее Элеонора Абате из Вероне.

Безупречное воспроизведение гимна «Reminiscens beati sanguinis» – «Сағынсам мен баһасыз қаныһь» современными нотами выполнила Актоты Рахметоллаевна Раимкулова.

Одна проповедь в стихах и загадки переведены на казахский Бейбит Шардаулетовой Жумадиловой и Улжан Абдиразаковной Шегебаевой и отредактированы Сарсеном Куантаевичем Кулмановым.

Цветовую гамму титула суперобложки с попугаем, мастерски нарисованным на стр. 58v Кодекса сухим стилусом в технике граффити, а затем поверху – пером и чернилами, подсказал мне мой незабвенный друг Бауржан Оразкеевич Иманалиев.

ЛИТЕРАТУРЫ:

[1] Кенесбаев С., Курьшжанов А. О новом издании памятника «Кодекс Куманикус» в Казахстане: К изучению языка памятника XIII – начала XIV вв. // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1964. Вып. 3. С. 35-45.

[2] Документы на половецком языке XVI в. / Подготовил Т. И. Грунин. М.: Наука, 1967.

[3] Drüll D. Der Codex Cumanicus: Entstehung und Bedeutung. Stuttgart, 1980. С. 15.

[4] Manolescu R. Folosirea scrisului în oraşele portuare de la Dunărea de Jos în secolele XIII–XV // Emlékkönyv Jakó Zsigmond születésének nyolcvanadik évfordulójára. – Kolozsvár: Az Erdélyi Múzeum-Egyesület kiadása, 1996. 329 P. со ссылкой на: G. Pistarino. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzò (1360–1361). Genova, 1971. P. 62-63.

[5] Iacobi Philippi Tomasini Patavini Episcopi Aemoniensis Petrarcha redivivus... Editio altera correcta & aucta... – Patavii, 1650. 73. P.

[6] Kuun G. Codex Cumanicus bibliothecae ad templum Divi Marci Venetiarum. – Budapestini, 1880. I. С. 52.

[7] Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России (дооктябрьский период). – Л.: Наука, 1982. С. 109-110.

[8] Klaproth J. Notice sur un Dictionnaire persan, coman et latin, légué par Petrarque à la République de Venise // J. Asiatique. 1826. Т. 8. P. 114-117.

[9] Klaproth J. Vocabulaire latin, persan et coman de la bibliothèque de Francesco Petrarque // Mémoires relacifs à l'Asie, contenant des recherches historiques et philologiques sur les peuples de l'Orient, par... Paris, 1828. Т. 3. P. 122-254.

[10] Blau O. Über Volkstum und Sprache der Kumanen // Ztschr. Deutsch. Morgenland. Gesell. 1874. B. 29. P. 556-587.

[11] Grønbech K. Codex Cumanicus: Cod. Marc. Lat. DXLIX in Faksimile herausgegeben mit Einleitung von... – Kopenhagen, 1936. С. 31.

[12] Grønbech K. Komanisches Wörterbuch: Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942; турецкий перевод: [Sağlar Fikri.] Grønbech Kaare. Koman lehçesi sözlüğü. Ankara, 1992. С. 86.

[13] Monchi-Zadeh D. Das Persische im Codex Cumanicus. Uppsala univ., 1969; Bodrogligeti A. The Persian Vocabulary of the Codex Cumanicus. Budapest. 1971. С. 15.

[14] Radloff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. SPb., 1887. С. 5.

[15] Bang W. Beiträge zur Erklärung des komanischen Marienhymnus // Nachr. Gesell. Wiss. Göttingen. Phil.-hist. Klasse. 1910. B. 1: 61-73; Beiträge zur Kritik des Codex Cumanicus // Bull. Acad. Belg., 1911. Т. 1: 13-40; Über einen komanischen Konummionshymnus // Bull. Acad. Belg., 1910. Т. 5: 230-239; Komanische Texte // Bull.

Acad. Belg., 1911: 459-473; Die komanische Bearbeitung des Hymnus «A soils ortus cardine» // Festschr. Vilhelm Thomsen.– Leipzig, 1912: 39-43; Über die Rätsel des Codex Cumanicus // Sitzungsberichte Preus. Akad. Wiss. Phil.-hist. Klasse, 1912: 334-353; Über das komanische

TEIZMAGA und Verwandtes // Bull. Acad. Belg, 1913: 16-20; Der komanische Marienpsalter nebst seiner Quelle herausgegeben // Bang W., Marquart J. Osttürkische Dialektstudien. Berlin, 1914: 239-276; Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut. Erster Brief. Hegemonius Frage. Κελειό = kelepen des Codex Cumanicus. Eine unbekannte Quelle dieses Kodex // Ungar. Jahrbücher-, 1925: 41-48.

[16] Hunfalvy P. Der kumanische oder Petrarka-Codex und die Kumanen // Hungarische Revue. 1881: 602-632; Teza E. Gli inni e le preghiere in lingua cumanica: Revisione del codice veneciano // Rediconti Accad. Lincei. Cl. scieze morali, storiche e filologiche. 1891. T.7. 1 sem./12: 586-596; Salaville S. Un manuscrit chrétien en dialecte

turc, le Codex Cumanicus // Echos d'Orient. 1911. T. 14: 278-286, 314; Salaville S. Un peuple de race turque christianisée au XIII siècle // Echos d'Orient. 1914. T. 18: 193-208; Asim N. Kırçak Türkçesine dair // Darülfünün Edebiyat Fakültesi Mecmuası. 1916. D. 1. B. 4: 381-383; Самойлович А. Н. К истории и критике Codex Cumanicus // Докл. Рос. Акад. наук. 1924: 86-89; Малов С. Е. К истории и критике Codex Cumanicus // Изв. АН СССР. Отд. гуманитарных наук. – 1930: 347-375; Györffy G. Autor du Codex Cumanicus // Analecta Orientalia memoriae Alexandri Csoma de Kőrös dedicata. – Budapest, 1942. V. I: 3-30; Zajączkowski A. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949.

[17] Németh J. Die Rätsel des Codex Cumanicus // Ztschr. Deutsch. Morgenland. Gesell. 1913. B.47: 577-608; Németh J. Zu Rätseln des Codex Cumanicus // Körösi Csoma Archivum. 1930. Bd.2: 366-368; Курышжанов А. К изучению куманских загадок // Вопр. ист. и диалектологии казахского языка. – Алма-Ата, 1960. Вып. 2: 167-176; Tietze A. The Koman Riddles and Turkic Folklore. Berkeley, 1966; Mollova M. Sur quelques devinettes du Codex Cumanicus // Studia de Acta Orientalia. Bucarest, 1980, X: 103-116; Mollova M. Nouvelle interpretation de 25 devinettes du Codex Cumanicus // Linguistic Balkanique. Sofia, 1981, XXIV, no 4: 47-78.

[18] Gabain A., von. Die Sprache des Codex Cumanicus // Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959. T. 1: 46-73; Komanische Literatur // Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1964. T. 2: 213-251.

[19] Salemann C. Zur Kritik des Codex Cumanicus // Изв. Акад. наук. 1910: 942-957.

[20] Drimba V. Syntaxe Comane. Bucaresti; Leiden, 1973.

[21] Drimba V. Quelques leçons et étymologies Comanes // Revue Roumaine de Linguistique (RRL). 1966. T. 11, f. 5: 481-489; Problèmes d'une nouvelle édition du Codex Cumanicus // RRL. 1970. T. 15, f. 3: 209-221; Miecclanea Cumanica (1) // RRL. 1970. T. 5, f. 5: 455-459; Mlacellanea Cumanica (5) // Rocz. Orientalist. 1976. T. 38: 111-115; Miecclanea Cumanica (9) // Rocz. Orientalist. 1978. T. 40, z. 3: 21-31; Miscellanea Cumanica (12) // RRL. 1960. T. 25, f. 5: 485-493; Miscellanea Cumanica (15) // RRL. 1983. T. 28, f. 6: 467-477; Miscellanea Cumanica (16) // RRL. 1985. T. 30, f. 1: 7-21 и др., см.

[22] Drimba V. Codex Comanicus: Edition diplomatique avec fac-similés. – Bucarest: Editura Enciclopedică, 2000; См. также: Ünal O. Kodeks Kumanikus 1A-55A: Giriş, Metin, Dizin. Yüksek Lisans Tezi. İstanbul: Mimar Sinan Güzel

Sanatlar Üniversitesi, 2010.

[23] Ligeti L. Prolegomena to the Codex Cumanicus // Codex Cumanicus / Ed. by Geza Kuun. Budapestini, 1981: 1-54.

[24] Чеченов А. А. Язык памятника «Codex Cumanicus» (14 в.): В ареальном освещении. М., 1978; Язык «Codex Cumanicus» и его отношение к современным западнокыпчакским языкам: Автореф. канд. дисс. М., 1979.

[25] Drimba V. Sur la datation de la première partie du Codex Cumanicus // Oriens. 1981. T. 27/28: 388-404.

[26] Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века: Руководство к

изучению латинской палеографии. Пг., 1923; [Репринт.] М.: Книга, 1987: 207.

[27] Малов С. Е. К истории и критике Codex Cumanicus // Изв. АН СССР. Отд. гуманитарных наук. – 1930. 348 С.

[28] Цыбульский В. В. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока: Синхронические таблицы и пояснения. М.: Наука, 1964. С. 60-66.

[29] Németh J. Reise um zwei kiptschakische Ortsnamen in Hungaria // Ural-Alt. Jahrbücher. 1961. – В. 33. Н. 1/2: 122.

[30] Пашуто В. В. Половецкое епископство // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. – Berlin, 1966. P. 33-40; репринт: // Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2011. С. 573–581. Подробнее об этом см.: Хаугала Роман. Исторический контекст основания католической епархии Кумании 1227 года // Золотордынская цивилизация, № 7, 2014. С. 111-139.

[31] Филарет, архиепископ. История русской церкви. – Изд-во Сретенского монастыря, 2001. 197 сл.; ср.: Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татаров. – К., 1884; Расовский Д. А. О происхождении Codex Cumanicus // Seminarium Condacovianum. Praha, 1929, t. III.

[32] Хаугала Р. Два письма францисканцев из Крыма 1323 года: латинский текст, русский перевод и комментарии // Золотордынская цивилизация, № 7, 2014. 98-99. – Там же даны подобные выдержки из письма брата Иоганки.

[33] Schütz E. Armeno-Kiptschakisch und die Krim // Hungaro-Turcica.– Budapest, 1976: 185-205, со ссылкой на: Über die Herkunft des Codex Cumanicus // Sitzungsberichte Preus. Akad. Wiss. Phil.-hist. Klasse.– 1913: 244-245; Györffy G. Autor du Codex Cumanicus // Analecta Orientalia memoriae Alexandri Csoma de Kőrös dedicata.– Budapest, 1942 [1947]. V. I: 16; Gabain A., von. Komanische Literatur // Philologiae Turcicae Fundamenta. – Wiesbaden, 1964. T. 2: 243-244; Zajaczkowski A. Do historii Kodeksu Kumańskiogo: Termin «talaşman» // Sprawozd. Pol. Akad. Um. 1950. T.50, z.8. – S. 420-125.

[34] Антонин (Капустин А. И.). Заметки XII-XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // Зап. Одес. об-ва истории и древностей. 1863. Т. 5. С. 595-628; факсим. табл. 3.

[35] Kowalski T. Karaimische Texte im Dialekt von Troki. Kraków, 1929; Мусаев К. М. 1) Грамматика караимского языка: Фонетика и морфология. – М., 1964; 2) Синтаксис караимского языка. М.: Гуманитарий, 2004. См. также: Караимский молитвенник / Подготовил А. Н. Гаркавец. М. – Нальчик: Рус. деревня, 2008.

[36] Изидинова С.Р. Фонетические и морфологические особенности крымско-татарского языка в ареальном освещении: Автореф. канд. дисс. – М., 1982 и др.

[37] Гаркавец О. М. 1) Уруми Надазов'я: історія, мова, казки, пісні, загадки, прислів'я, писемні пам'ятки. Алма-Ата: УКЦ, 1999; 2) Урумський словник. Алма-Ата: Баур, 2000.

[38] Toparlı R., Vural H., Karaathı R. Kıpçak Türkçesi Sözlüğü. Ankara: TDK, 1993; 2. Baskı, 2003.

[39] Tryjarski E. Dictionnaire arméno-kiptchak d'après trois manuscrits des collections viennoises. Warszawa, 1968-1972. T. 1, f. 1-4.

[40] Schütz E. Re-Armenisation and Lexicon. From Armeno-Kipchak back to Armenian // АОН. 1966. Т. 19, f. 1: 99-115; Doerfer G. Literatur zum Armeno-Kiptschakischen // Ural-Altäische Jahrbücher. 1968. Bd. 40, Н. 3-4: 250-252; Clauson G. Armeno-Qıpçaq // Rocznik Orientalistyczny. 1971. Т. 34, z. 2: 7-14.

[41] Gabain A., von. Die Sprache des Codex Cumanicus // Philologiae Turcicae Fundamenta. – Wiesbaden, 1959. – Т. 1: 46-73; Grønbech K. Codex Cumanicus: Cod.

Marc. Lat. DXLIX in Faksimile herausgegeben mit Einleitung von... Kopenhagen, 1936. См.

также его исследование грамматического строя половецкого языка: Grønbech

K. *Der Türkische Sprachbau*. Kopenhagen, 1936; Статьи Т. И. Грунина и Э. В. Севортяна в кн.: *Документы на половецком языке XVI в.* М.: Наука, 1967; Pritsak

O. *Armeno-Kiptschakisch // Philologiae Turcicae Fundamenta*. Wiesbaden, 1959. Т. 1: 81-87; Pritsak O. *Das Kiptschakische // Philologiae Turcicae Fundamenta*. – Wiesbaden, 1959. Т. 1: 74-87; Курьшжанов А. *Формы и значения падежей в языке «Codex Cumanicus»*: Автореф. канд. дисс. – Алма-Ата, 1956; Наджип Э. Н. *Кыпчакско-огузский литературный язык Мамлюкского Египта XIV века*: Автореф. докт. дисс. М., 1965; Наджип Э. Н. *О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках // Советская тюркология*. 1970. № 1. С. 87-92; Курьшжанов А. К. *Язык старокыпчакских письменных памятников XIII–XIV вв.*: Автореф. докт. дисс. – Алма-Ата, 1973.

[42] Гаркавец А. Н. 1) *Конвергенция армяно-кыпчакского языка к славянским в XVI–XVII вв.* Киев: Наукова думка, 1979; 2) *Тюркские языки на Украине*. – Киев: Наукова думка, 1988 и др.

[43] Гаркавец А. Н. *Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский*. Алма-Ата: Наука, 1987. К этой нашей работе следует обратиться и по вопросам структуры куманского языка в свете лагинской грамматики.

[44] Cappelli A. *Dizionario di Abbreviature Latine ed Italiani*. Milano, 1912; Bischoff B. 1) *Paläographie des römischen Altertums und des abendländischen Mittelalters*.– Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1979, 1986; 2) *Latin Paleography: Antiquity and the Middle Ages / Transl. by Dáibhí ó Cróinín and David Ganz*. – Cambridge University Press, 1990.

[45] Гаркавец А. Н. *Codex Cumanicus: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII–XIV веков*. – М.: Русская деревня, 2006; Алматы: Баур, 2014. Переиздания: 1) Гаркавец А. Н. *Кыпчакское письменное наследие. Т. II. Памятники духовной культуры караимов, куманов-половцев и армяно-кыпчаков*. Алматы: Баур, 2007. С. 63-120; 2) *Codex Cumanicus*. – Астана: Сарыарка, 2014. С. 182-238 – с отдельными переводами на казахский и английский Г. Е. Абыловой (С. 164, 171-181).

[46] Гаркавец А. Н. *Codex Cumanicus*. Полное издание. Алматы: Баур, 2015. 1348 стр., в т. ч. 166 стр. факсимиле. Вариант этой же публикации в 4 книгах: А. Н. Гаркавец, *Codex Cumanicus*. Т. I. Введение. Половецкие молитвы, гимны, проповеди и загадки, 106 стр. Т. II. Факсимиле и построчная транслитерация, 330 стр., в т. ч. 166 стр. факсимиле. Т. III. Транскрипция и пословный перевод, 316 стр. Т. IV. Латинский, персидский, куманский и немецкий словари и вкрапления из других языков, 664 стр. – Алматы: Баур, 2015.